

ВАРВАРЫ И ВАРВАРСТВО В АНТРОПОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

XX век привнес в гуманитарный контекст такое парадоксальное определение как «цивилизация варваров». Оно относится к числу расплывчатых и, на первый взгляд, чуждых логике рационального дискурса понятий. Но эта, казалось бы, условная терминологическая конструкция утвердилась, показала свою устойчивость, стала исторически актуальной научной категорией. И сегодня, когда на смену классической картине мира приходит диалогическое мировидение, опирающееся на синегретическую парадигму, согласно которой мир принципиально вариативен, существуют различные системы отсчета, одна причина может порождать множество путей развития, сущность явления, исходя из принципа дополнительности, может быть раскрыта несколькими равноправными моделями, представляется актуальным обращение к роли варварского компонента в историческом развитии цивилизации.

Прежде всего, следует отметить, что в настоящее время исследование истории варваров находится в состоянии перманентного кризиса. Несмотря на стремительный рост публикаций, докладов и выступлений на научных форумах, глубокого системного переосмысления новой исследовательской специфики и практических задач, стоящих перед варварологией, пока не произошло, в том числе и на уровне понятийно-категориальных определений. В исторической науке сформировалась парадоксальная семантическая ниша, где устойчивые историографические клише формационных представлений о варварах входят в противоречие с попыткой вписать варварский мир, варваров и «варварство» в цивилизационную схему развития мировой истории. Значительный археологический материал, который приумножил исследовательские возможности варварологии в XX веке, постепенно выводит варварский мир из маргинальной зоны исторического процесса, позволяя говорить о субъектности этого мира, феномене варварских племен, их особой роли в становлении и развитии цивилизаций.¹ Однако, большинство историков пока идет в фарватере устоявшихся представлений о варварах, полагая, что период первобытных родоплеменных структур парадигмой цивилизационного подхода не объясняется. Поэтому история варваров до сих пор представляет собой некий заверченный императивный конструкт, концептуальная схема которого отличается однолинейностью, внутренней неустойчивостью, перегруженностью мифологемами, идеологемами и спекулятивными интерпретациями. Научно обоснованные положения соседствуют с гипотезами и мифологическими представлениями, рожденными талантом воображения исследователя.

В работах современных отечественных историков термины «цивилизация», «цивилизованность», «варвары», «варварство» одни из самых употребительных. Примечательно, что хотя научные споры о соотношении категорий формация и цивилизация так и не имели какого-либо очевидного результата, в конце XX в. все же состоялась замена традиционного концепта «формация» на «цивилизацию».² Под цивилизацией чаще всего подразумевают целостную, саморазвивающуюся многоуровневую иерархическую общественную систему, в которой взаимодействуют различные компоненты и параметры (географическая среда, экономика, политическое устройство, социальная структура, законодательство, церковь, религия, философия, литература, искусство, нормы поведения, образ жизни, быт людей и т.д.). При этом она является не простым набором этих компонентов и параметров, но совокупностью функциональных связей между ними, связей, формирующих ритм и почерк цивилизации, ее исторический «образ». Индивидуальность (локальность) цивилизации определяется тем, как осуществлялось взаимодействие различных компонентов, какие из них доминировали, выполняя кодовые функции, задавая тон историческому развитию.

¹ Шукин М.Б. 1994, 15-35.

² Подробно этапы длительного и сложного пути становления научной категории «цивилизация» см.: Ионов И.Н., Хачатурян В.М. 2002: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. 2006. 24-86.

Для специалистов, занимающихся конкретно-историческими исследованиями, цивилизация – это одновременно и состояние, и процесс, в котором можно выделить этапы и учесть разнообразие вариантов развития. В категориальном аппарате историков понятие «цивилизация» стало одним из важнейших, отражая понимание того, что именно цивилизация сформировала всемирную историю, являясь организмом поддержания длительной преемственности между прошлым, настоящим и будущим. Она как ценностный стержень соединила в единое целое сменяющие друг друга эпохи.³ Наряду с этим все еще сохраняется и продолжает «работать» подтекст формационного видения общественно-исторической реальности, связанный с выделением закономерных этапов развития общества в его восходящем движении от низших стадий к высшим, от простого к сложному, от отсталого к передовому. При этом «цивилизация» трактуется как «качественная специфика, своеобразие материальной, духовной, социальной, политической истории жизни той или иной страны или групп стран на определенном этапе истории».⁴

Вводя в оборот понятие «цивилизация» историки чаще всего обходятся без теоретических обоснований. При этом под цивилизацией подразумевается совокупность духовных, материальных и нравственных средств, с помощью которых человеческое общество противостоит внешнему миру. Сравнительно недавно, сопоставляя цивилизационные особенности Византии и средневекового Запада, К.В. Хвостова определила цивилизацию как совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном, достаточно длительном, пространственно-временном диапазоне.⁵ У историков древности и археологов преобладает точка зрения, согласно которой под цивилизацией следует понимать социально-культурный комплекс или социально-культурные общности формирующиеся на определенных стадиях развития общества и принимающие специфические формы в разные исторические эпохи. По-прежнему «работает» определение, что древние цивилизации – это некое единство, противостоящее тому, что цивилизацией еще не является, – доклассовому и догосударственному, догородскому и догражданскому, наконец, что очень важно, дописьменному состоянию общества и культуры.⁶

Философы, отмечая нарастающее напряженно-критическое отношение к теории цивилизаций на Западе, теряют к цивилизации интерес.⁷ В то же время историки по мере роста цивилизационного самосознания признают цивилизацию как познавательную модель целостного подхода к изучению глобализующейся исторической реальности, как инструмент выявления общих закономерных тенденций в истории человечества, общей логики и смысла истории. Другое дело, что это признание проявляется достаточно осторожно, общий теоретико-методологический подход к цивилизационному анализу истории пока еще окончательно не разработан. Занимаясь конкретно-историческим анализом, историку подчас сложно увидеть в цивилизации универсальное познавательное явление, ибо оно неточно и субстанционально, расколото субъективным восприятием. Так, общеизвестно, что конкретную цивилизацию можно обозначить и описать. Она легче поддается эмпирическому изучению, чем возможности сформулировать сущностное определение самого понятия «цивилизация». Но как раскрыть ее «образ», если не знать, что представляет собой сама категория «цивилизация»? Как сжатое описание реальности, как обобщающая формула, термин «цивилизация» по-прежнему остается неопределенным, по-разному понимаемым. К тому же философский язык, оформивший терминосистему цивилизационного подхода, интегрируется исторической

³ О понятии «цивилизация» см.: Сравнительное изучение цивилизаций. 1999. 12-26; *Ерасов Б.С.* 2002. 19-36.

⁴ См., например: *Гребенюк А.В.* 2006. 45.

⁵ *Хвостова К.В.* 2005. 7; *Она же.* 2009. 6-7.

⁶ *Масон В.М.* 1989. 3-12; *Древние цивилизации.* 1989.6.

⁷ Подробнее об этом см.: *Ионов И.Н.* 2007.

исследовательской практикой медленно. С другой стороны, реальности цивилизаций сложны и подчас едва уловимы. Прежде чем анализировать, требуется их детальная расшифровка, как на междисциплинарном, так и сравнительно-историческом уровне. Системное изучение истории как истории мировых цивилизаций (или цивилизации) у историков пока не стало всеобщим, но медленно движется в направлении сбалансированного присутствия цивилизаций в переосмыслении конкретно-исторических реалий.⁸

Таким образом, понятие «цивилизация» входит в рамки исторического знания, становится междисциплинарным, обозначив, по мнению Б.С. Ерасова, «*обязательство историка* (курсив В.Б.) дать разностороннее и по возможности целостное описание какого-либо общества с признанием ... взаимосвязи множества элементов ... и разных путей мировой истории».⁹

В отличие от «цивилизации» понятие «варвары», как ни странно, в современном гуманитарном контексте не вызывает особых дискуссий. В исторических исследованиях (как и в справочной литературе) в основном царит единодушное, предельно лаконичное, без прояснения смысловых оттенков определение термина. «Варвары» - это чужеземцы, говорящие на непонятном языке и чуждые культуре данной цивилизации.¹⁰ Под «варварством» подразумевается одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени. Однако, смысловая нагрузка этих терминов на разных этапах истории цивилизаций отнюдь не статична и менялась в соответствии с ролью и местом в историческом процессе «варваров», а также особенностями проявлявшегося «варварства».

Следует специально заметить, что в последние годы философами предпринимались попытки типологизации «варварства». По мнению Н.В. Мотрошиловой, «варварством, во-первых, целесообразно именовать уже обозначенные ранее поистине бесконечные по своей длительности процессы исторического становления человека и человечества, в ходе

⁸ См., например; *Бонгард-Левин Г.М.* 1980; *Он же.* 1985; *Гуревич А.Я.* 1984; *Культура Византии.* 1984-1990; *Жигунин В.Д.* 2000; *Васильев Л.С.* 1989; *Он же.* 2001; *Цивилизация.* 2003; *Словарь средневековой культуры.* 2003; *Хвостова К.В.* 2005; *Она же.* 2009; *Античная цивилизация и варвары.* 2006; *Хачатурян В.М.* 2009; *Всемирная история.* 2011; *Всемирная история.* 2012.

⁹ *Ерасов Б.С.* 2002. 21.

¹⁰ Рискуя быть непонятой коллегами, я, тем не менее, позволю себе буквально дословно процитировать некоторые словарные статьи подтверждающие степень глухого, клишированного определения понятия «варвары»: «... у древних греков и римлян всякий чужеземец, невежественный, жестокий человек» (Словарь. 1964. 124); «... у древних греков и римлян название всех чужеземцев, говоривших на непонятном им языке и чуждых их культуре... грубые, некультурные люди» (Советский энциклопедический. 1979. 196); «Изначально варварами греки именовали представителей всех других племен и народов, язык которых был для них непонятен и казался неблагозвучным.. Отсюда возникло презрительное обозначение грубого и некультурного человека... В эллинистические времена варварами именовались народы, которые находились вне среды влияния Греко-римской культуры или же находились на более низкой ступени культурного развития...» (Словарь. 1989. 92-93); «... у греков и римлян название чужеземцев, как звукоподражание непонятному чуждому языку... на протяжении всей античности основное содержание термина заключалось в противопоставлении отсталых племен и народностей культурным грекам (а позднее и римлянам)» (*Лисовой И.А., Ревяко К.А.* 1996. 48); «... название всех чужеземцев у древних греков и римлян... грубые, невоспитанные, жестокие люди» (Словарь. 1998. 27); «... это звукоподражательное слово, которым древние греки, а затем и римляне называли всех чужеземцев, говоривших на непонятном языке и не знакомых с эллинской, а затем и римской культурой» (*Ермолова И.Е., Култышова И.С., Светилова Е.И., Шопина Н.Р.* 1998. 49); «... звукоподражательное слово. Так древние греки, затем римляне называли всех чужеземцев, говоривших на непонятном языке...» (*Смирнова Е.Д., Сушкевич А.П., Федосик В.А.* 1999. 61); «...у древних греков и римлян общее название всех чужеземцев, говорящих на непонятном им языке...» (Всемирная история. 2003. 177-178); «... слово, которым римляне и греки называли всех чужеземцев, говоривших на непонятных им языках и чуждых эллинской и римской культуре ... использовался для противопоставления «отсталых» племен «культурным» грекам и римлянам...» (Новая Российская. 2007. 200-201); « у древних греков и римлян общее название всех иностранцев, говорящих на непонятном им языке... совокупность народов, вторгавшихся в пределы Римской империи...» (*Згурский Г.В.* 2008. 78); « ... у древних греков и римлян название всех чужеземцев, говоривших на непонятных им языках и чуждых их культуре (германцев, галлов)... Греки относили к варварам римлян, впоследствии уже римляне называли «варварами» всех неримлян и негреков...» (Исторический. 2010. 95). В качестве констатирующего клише с негативной коннотацией слово «варвар» используется также философами, социологами, политологами и культурологами. Отчасти это странное обстоятельство объяснила Н.В. Мотрошилова, справедливо отмечая, что «к концу XX в., подводя итог как будто бы постоянным и оживленным дискуссиям вокруг этих понятий («цивилизация» и «варварство» - В.Б.) специалисты с удивлением обнаруживают, что сами понятия остаются смутными и недостаточно проясненными» (*Мотрошилова Н.В.* 2010. 98).

которых природно-биологические предпосылки, механизмы, стимулы, следствия жизнедеятельности рода *Homo sapiens* были – сначала – единственными, а потом не единственными, но все же господствующими ... Одновременно, во-вторых, варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству».¹¹

В исследованиях М.Г. Курбанова были предложены три исторические формы «варварства». Рассматривая его как «сквозное состояние в историческом становлении человечности», он выделяет *архаическое*, которое существовало в условиях дикости, *классическое (чистое)*, существовавшее в собственных условиях, созданных им самим и *современное* «варварство», имевшее место в условиях и недрах цивилизации.¹² Как мне представляется, с исторической точки зрения подобная типология «варварства» как явления противостоящего цивилизации вполне правомерна. Во-первых, «варвар» и «варварство» применительны для обозначения архаического этапа первобытности, как стадии развития человечества (концепция А. Фергюсона, Л. Моргана, Ф. Энгельса), которая началась с изобретения гончарного производства и завершилась появлением письменности.¹³ «Варварство» - это эпоха введения животноводства и земледелия, обучения способам увеличения продуктов природы при помощи человеческой деятельности «варвара». Во-вторых, иной специфический смысл, другие признаки «варвары» и «варварство» приобретают в архаических обществах, существующих одновременно с древними цивилизациями и находящимися с ней в тесном взаимодействии. Наиболее ярко этот процесс раскрывает история Великого переселения (II-VII вв.) когда консолидированное пространство этнических варваров стало для цивилизации не только «зоной опасности», но впервые в истории, как казалось, «меткой» простых решений. Ибо это были уже не просто «варвары», а «варвары» *pene consimiles*, «почти похожие» на представителей цивилизованной части Ойкумены. Варварский компонент проявился как индикатор кризиса и начала становления новой цивилизации. Следует отметить и то, что как терминологический феномен, «варвар» и «варварство» актуализируются именно в переходные эпохи.¹⁴ И, наконец, третий вариант употребления терминов «варвар» и «варварство» присутствует в гуманитарном дискурсе для обозначения деструктивных, разрушительных процессов проходящих в рамках самой цивилизации, как отражение нерешенных острых проблем, очертив тем самым наиболее опасные зоны, угрожающие стабильности и развитию самой цивилизации или межцивилизационным контактам (антитеза диалогу цивилизаций).¹⁵

Как понятия, «варвары» и «варварство», впервые, почти одновременно, сформулированы античной и китайской письменной традицией. Через бинарные

¹¹ Мотрошилова Н.В. 2010, 79-80.

¹² Курбанов М.Г. 2006, 120; Он же. 2008, 73.

¹³ Фергюсон А. 2010; Морган Л.Г. 1931; Энгельс Ф. 1980.

¹⁴ В возрастающем потоке литературы отмечу, прежде всего, касающиеся дихотомии «цивилизация-варварство», например: Wolfram H. 1980; Idem.1990: Cameron A., Long J. 1993; Pohl W. 2005; Goffart W. 2008; Inglebert H. 2009; Kulikowski M. 2009; Budanova V. 2009.

¹⁵ Литература по этим вопросам обширна. См. наиболее подробное и полное исследование Ионина И.Н. 2007, а также монографию Мотрошиловой Н.В. 2010, в которых представлен философско-категориальный анализ понятий «цивилизация» и «варварство», в том числе в современной их интерпретации. Основные «болевы» точки сражений вокруг бинарных конструкций, а также «варварской цивилизации», подробнейшим образом рассмотрены И.Н. Ионовым (Ионов И.Н. 2007. 4.4), еще раз подтверждаются: теоретические исследования истории цивилизаций вне феноменологического их осмысления, также как изучение истории цивилизаций без ее теоретического анализа, по сути, уводит обсуждение актуальной варварской проблематики на тупиковую идеологизированную и стереотипизированную территорию.

антропологические оппозиции «мы – они», «греки – варвары», «римляне – варвары», «хуася-варвары» обозначилась «чужая» этническая, культурная и языковая целостность племен и народов, обитавших вне пределов Греко-римской и Китайской цивилизаций. В понимании греков «мы» - это жители полиса, т.е. «свои», а «они» - это чуждые образу жизни эллина, не знающие полисных ценностей, т.е. «чужие» народы и племена. Исследуя эволюцию доктрины превосходства греков над варварами, Л.П. Маринович обратила внимание на то, что хотя и существовало представление об эллинах и варварах как двух частях человечества равных друг другу, все же преобладало убеждение об исключительности греков.¹⁶ Несмотря на дух открытости, уже к концу IV в. до н.э. у греков сформировался негативный образ варвара, «... понятие «варвар» обладало теперь высоким уровнем абстрагирования ... превратилось в собирательный образ ... и стало штампом массового сознания».¹⁷

Если состояние варварства ассоциировалось у греков с низким интеллектуальным уровнем, неспособностью к разумному рассуждению, то римляне соотносили «варварство» прежде всего с бедностью и отсутствием государственности. Для них оно наиболее полно и последовательно было представлено германскими племенами, как неким эталоном нецивилизованного, примитивного образа жизни, контрастирующего с культурой Рима. У Тацита, как отмечал Г.С. Кнабе, в вековом противоборстве «двух взаимоисключающих укладов жизни столкнулись *Imperium*, т.е. государственный организм, подчиненный опирающейся на военную силу центральной власти, и *Germanorum libertas* – хаос местнических интересов и эгоистического своеволия».¹⁸ Трагически непримиримую тацитовскую дихотомию «римляне-варвары» римское массовое сознание сохраняло на протяжении многих столетий. Г.С. Кнабе, со свойственной ему лаконичностью, сформулировал ее предельно точно: «Римляне возделывают землю, германцы ее «насилуют»; культура предполагает деятельность, варварство означает либо пассивное приятие существующего, либо отношение к нему как к военной добыче; те, кто состязается с действительностью, стремятся выявить и использовать ее внутренние возможности; те, кто от этого состязания уклоняется, хотят только грабить».¹⁹ Зафиксированное античной письменной традицией разграничение цивилизации и варварства довольно быстро прижилось, а само понятие «варвары» стало оценочным, рефлексивным, направленным на осмысление поступков и действий греков и римлян, с целью оттенить их собственные положительные качества и достоинства. Выделение странностей поведения и образа жизни варвара как «чужого» рождало особую симпатию к «своему» миру и отказу от «чужого» как чуждого. Античная ментальность, порождая взаимное отчуждение, фактически разделила жителей Ойкумены на два мира - цивилизованный и варварский. Понятие «варвар» стало инструментом структурирования социокультурного пространства, что характерно не только для греко-римской древности.

В VII-VI вв. до н.э. в Среднем государстве древних китайцев сложилась дихотомия «хуася-варвары». В мире, который был нацелен на идеал Высшей Гармонии и Абсолютного Порядка, оформилось представление о двух неравноценных половинах человечества – «хуася» и «варварах». Считалось, что хуася были настоящими людьми, а «варвары», согласно древнекитайской хронике «Цзочжуань» (IV в. до н.э.), имели лишь облик человека, оставаясь, в сущности, «шакалами и волками».²⁰ Это разделение не подлежало изменению, хотя грань между ними, по мнению М.В. Крюкова, была весьма подвижной, притом однонаправленной, что засвидетельствовал Мэн-цзы: «Я слышал, что [хуа]ся изменяли варваров, но чтобы [хуа]ся изменялись под воздействием варваров, такого мне слышать не приходилось».²¹ «Варвар» для хуася оставался неполноценным

¹⁶ Маринович Л.П. 2006. 29.

¹⁷ Маринович Л.П. 2006. 24-25.

¹⁸ Кнабе Г.С. 1975. 71.

¹⁹ Кнабе Г.С. 1975. 76.

²⁰ Крюков М.В. 1982. 150; Он же. 1984, 10.

²¹ Цит. по: Крюков М.В. 1982. 151.

человеком и его хабитус не зависел от политической конъюнктуры, но определялся происхождением, языком, культурой и бытовыми привычками отличными от этических ритуально-церемониальных норм «хуася».

Итак, уже на этапе становления древних цивилизаций «варвар» и «варварство» обозначились и как реальность, и как способ ее понятийной организации, став образным конструктом для характеристики «чужого» мира отличного от «своего». Вся последующая история цивилизационного обустройства мира подтверждает, что ни один народ не называл себя словом «варвар», а употреблял его только по отношению к другим народам. Следует, на мой взгляд, также обратить внимание и на то, что системное, сравнительное исследование антропологических бинарных оппозиций в рамках локальных цивилизаций представляется актуальным и чрезвычайно перспективным. В связи с переводом, комментированием и интерпретацией письменных текстов, смысловая нагрузка понятия «варвар» постоянно находилась в зоне пристального внимания.²² На мой взгляд, представляется перспективным в дальнейшем собрать и систематизировать известные формулы «варвара», чтобы уточнить каков он в структуре постоянно меняющейся системы представлений, насколько возможно дифференцировать этнические, этические и потестарно-политические грани «варварского стереотипа».²³ Аннотативная роль слова «варвар», как универсального «накопительного фактора» прошлого, одна из практически неразработанных проблем современной варварологии. «Варвар» - термин мобилизующий, фиксирующий различную поведенческую логику действий конкретно-исторического актора. Вероятно, каждая эпоха формировала свою концепцию «варварского стереотипа», исходя из конкретно-исторических обстоятельств, политической и идеологической подоплеки, философских, мировоззренческих, литературных, наконец, просто эмоциональных предпочтений не только пишущих, но и читающих. Мне представляется, что одна из задач современной варварологии состоит в уточнении того, как в разных системах историописания отразилось это обостренное чувство «свой-чужой», как формировалось особое мировосприятие, основанное на принципе разделения мира, и какое место в этом разделении отводилось «варварам» и «варварству».²⁴

Во II-VII вв. в эпоху Великого переселения «варвар» как «другой» был окончательно изгнан из области позитивных ценностей. Термин «варвары» использовался в качестве самой общей этнической дефиниции конгломерата племен, населявших как ближнюю, так и дальнюю периферию античного мира. Образ «варвара» в период Великого переселения народов традиционно следовал оппозиции «варвары – не римляне». *Tanta scriptorium turba* вплоть до настоящего времени продолжают искать ответ на тривиальные вопросы: кто скрывается под ёмким понятием «варвар» и как проявлялось его «варварство»? Как известно, ассоциативный образ «варвара» сформирован античной исторической традицией еще до начала Переселения, когда семантика термина определялась антитезой «эллина – варвары», «римляне – варвары». Три круга ассоциаций делали восприятие этого образа автоматическим, Первый – этнический: «варвар» - это иностранец, чужеземец, человек вне границ римского цивилизованного мира. Второй, этический круг, заключался в формуле: «варвар – это не римлянин», ибо не воспитан в римских традициях, установлениях и ценностях, в служении *rei publicae*, как смыслу и норме человеческого бытия, не обладал пайдейей, отсталый и неграмотный человек. И, наконец, незнание греческого и латинского языков – верный признак варварства. В целом содержательная характеристика варваров основывалась на балансе неприятия и заинтересованности, что и отразила лексика сочинений латинских и грекоязычных авторов. В подавляющем большинстве случаев понятие «варвары» привязывалось к военному контексту и, как правило, сопровождалось словами: «разрушили», «осадили»,

²² См., например: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982; Подосинов А.В. 1985; Он же. 2002; Свод. 1991; 1995; Подосинов А.В., Скржинская М.В. 2011.

²³ См., например: Бибилов М.В. 1981, 49-51 (II, 6: К анализу этнического портрета); Подосинов А.В. 1984, 31-34 (I, 5: «Варвары» и «варварство»); Грацианская Л.И. 1999, 46-58.

²⁴ См., например: Чужое: опыты преодоления. 1999: Античная цивилизация и варвары. 2006.

«опустошили», «совершили нападение». Но по мере того, как племена варваров заселяли и осваивали римские земли, к ним применялся набор других слов-эквивалентов: вместо «варвары» - manus, globus, gens, populus, exercitus, или конкретные этнонимы, иногда как определение - populus Alamanorum, gens Francorum. Понятие «варвары» фигурирует уже не так часто, но становится все более жестким. Теперь это не просто невежественный иноземец, но крайне агрессивный и непредсказуемый чужестранец, носитель разрушительного начала. Множественность варварских племен все чаще ассоциируется с «войском», а «войско» с неорганизованной «толпой». Толпа представлялась как «перемешанная» (permixta, mixta, immixta), «беспокойная» (tumultosa), «небоеспособная» (imbellis). Для людей этого времени «варвар» – это негативный «иной», модель поведения которого, представляя неудержимую агрессию, стала своеобразным «логотипом врага». Одновременно, на фоне негативного «варварского стереотипа» появляются и новые семантические оттенки, связанные с иными представлениями о «варваре». Он иногда не только «враг», «неприятель», но «союзник», «вероломный союзник», «друг-союзник», «соратник». В привычном обиходе грекоязычной интеллектуальной элиты IV-VI вв. применительно к варварским племенам использовались также термины «чужеземный», «иноплеменный», еще в V в. по-прежнему различался «варвар» и «гость», «чужеземец».²⁵

Всего тысячелетие понадобилось грекам и римлянам, чтобы распространить понятие «варвары» на всю «заграницу», обозначить место варварства именно там, на периферии Ойкумены. В процессе Великого переселения место варварства в географическом пространстве впервые обрело свое название и все, что находилось за римским лимесом и не входило в Orbis Romanum, стало называться a barbarico, ad barbaricum, Barbaricum solum. Многие исследователи уже обращали внимание на то, что понятие «barbaricum» неоднозначно.²⁶ Латинская письменная традиция использовала это название в основном как географическое понятие, фиксирующее территории, где обитали многочисленные варварские племена, в то время как греческая придавала ему более широкое значение - все варварское, враждебное цивилизованному миру.²⁷ «Варвара» как такового характеризовало именно его «место обитания» - Barbaricum solum. Человеку цивилизованному оно представлялось большим невозделанным пространством, с труднодоступными, таящими опасность, лесными чащами, сумрачными областями, расположенными у крайних пределов земли. По мнению римлян, именно такие природные условия и препятствовали зарождению цивилизации, способствуя сохранению у жителей Барбарикума примитивного образа жизни. Представлялось, что в Барбарикуме отсутствовала какая-либо стабильность, шло непрерывное «переселение». Здесь помещался антипод цивилизации – хаос во всех его проявлениях, как природных, так и социальных. Это пространство не знало организованной налаженной жизни полисного типа, бурлило странными странствующими народами, живущими в хаосе местнических интересов, без законов и справедливости. Вряд ли можно согласиться с В. Гоффартом, который полагает, что Барбарикум фактически был «... дезорганизованным и неблагополучным продолжением...» Римской империи.²⁸ Иначе, почему у римлян, также как у древних китайцев, появилась потребность отделиться от мира, как им представлялось, «непохожих на нас»? И это наступившее историческое время А. Тойнби назвал «эпохой установления границ».²⁹

²⁵ Иванов С.А. 1987. 27-32; Буданова В.П. 1997. 13-14; Она же. 2000. 8-9.

²⁶ Подробнее об этом см.: Lechner K. 1954, 1-37, 74-137; Idem. 1955, 292-297; Weiler J. 1965, 34-39; Подосинов А.В. 1984, 32; Буданова В.П. 1988, 60; Грацианская Л.И. 1999, 46-47; Маринович Л.П. 2006, 5-29.

²⁷ Eutrop. VII. 9; IX. 4; Philostorg. Hist. eccl. II. col. 2348; Amm. Marcell. XVII. 5, 6; 12, 21; XVIII. 2, 14; XXVII. 5,6; Oros. I. 2, 53; VII. 28,29.

²⁸ Goffart W. 2008. 860 («... a disordered and disadvantaged extension...»). Большинство исследователей придерживается мнения, что Барбарикум – это земля варваров. См. одну из новейших работ: Kulikowski M. 2009. 46 («... barbaricum la terre des Barbares, l'antithèse de la civilization...»).

²⁹ Тойнби А.Дж. 1991. 541.

Первая в Европе граница, римский *limes*, имела явно военный, сопряженный с опасностью смысл.³⁰ Известно, что феномен «границы» подразумевает не только материально осязаемое четко очерченное географическое пространство, но огромное количество разнообразных взаимосвязанных политических, экономических, культурных, психологических и иных «рубежей» и размежеваний.³¹ И хотя граница возводилась цивилизацией (лимес в Европе, Великая стена в Азии), факт установления подобных препятствий придавал силу, прежде всего племенному миру, формируя у «варваров» чувство единства, ибо вводимые ограничения замыкали пространство варварского мира и усиливали в нем коммуникативные процессы. Обильная этнонимия нарративных текстов II-VII вв. свидетельствует о том, что *limes* консолидировал «котел народов» Барбарикума, ускорял кристаллизацию этнического самосознания отдельных племен. В сознании первобытного человека окружающий мир также начинал восприниматься как разделенный на два противоположных мира на мир «свой» и мир «чужой». Граница усиливала энергию племен путем активизации их честолюбия, но со временем, когда темп эволюции стал им навязываться, цивилизация становилась для племен не самой подходящей стратегией выживания. Именно в эпоху Великих переселений варвары пережили кризис идентичности, потерю корней, в итоге – наибольшее количество исчезновений племен и этносов.

Граница не только разделила два мира, но и обозначила районы противостояния как в Европе (области Рейна и Дуная), так и в Азии (от Ляодуна до Ганьсу). Великая стена упорядочила торговые контакты между китайским государством и миром кочевых племен, развивая традиционные торгово-экономические связи и создавая новые.³² Рим, проводя торговые операции с племенным миром, также надеялся удержать чрезмерный азарт и склонность к авантюрам германских вождей. Однако такая политика давала противоположные результаты. Немалая часть торговых доходов концентрировалась в руках племенной знати, что в одних случаях сдерживало стремление к грабежам и вторжениям, а в других, в поисках добычи, стимулировало новые рейды в империю. В отличие от Рима в Древнем Китае такой компонент взаимоотношений с варварским миром, как торговля, являлся куда более значимым, а порой и ключевым. Китайская империя, налаживая оживленную торговлю с западом (Кушанское и Парфянское царства, Римская империя), подчиняла и истребляла различные племена, в том числе и сюнну (хунну), обитавших у северных и северо-западных границ Ханьской империи. Именно через эти районы варварских кочевий проходил торговый путь на запад, известный как Великий шелковый путь, борьба за который длилась столетиями.³³

Но граница и как «стена», и как «мост» подталкивала племена к «героическому образу жизни», ибо она, как место действия и как препятствие, существовала, чтобы ее преодолеть. Преодоление свойственно варварскому мышлению и в иррациональном сознании первобытного человека цивилизация становилась злым источником всех его бед. Прежде это место занимали хищники, природные стихии, а также другие племена, угрожавшие жизни его близким или ему самому. Теперь граница становится «тягучей зоной», основным местом, рядом с которым разворачивались военные противостояния, и война, как вариант охоты, превращалась в один из способов накопления сил для племени, настроенного на выживание. Установление границы – первый психологический проигрыш цивилизации варварству, один из парадоксов ее «победы» над «варварами» требующий детального исследования. И в дальнейшем, чем более воинственные шаги предпринимала цивилизация, тем меньше шансов оставалось у «варваров» потерпеть поражение от нее.

Таким образом, в эпоху Великого переселения мир примитивный, варварский, дикарский был окончательно отделен от цивилизации, а «варвар», чтобы быть принятым

³⁰ Подробнее об этом см.: *Laser R.* 1976, 280-295; *Колосовская Ю.К.* 2000.

³¹ См., например: *Тойнби А.Дж.* 1991. 541-545; *Prescott J.* 1978; *Frontitrs.* 1990; *Bujkisch S.B.* 1994. 165-174.

³² *Гумилев Л.Н.* 1993, 43-45; *Крадин Н.Н.* 2001. 95-137.

³³ *Гумилев Л.Н.* 1993, 87-88; *Лубо-Лесниченко Е.И.* 1994, 230-232; *История.* 1998, 129.

цивилизацией, даже если он демонстрировал примеры героической доблести и морального превосходства, должен был отказаться от Барбарикума навсегда. Демонизация Барбарикума и «варваров» как абсолютного зла завершилась, чему яркое подтверждение исследователи находят в позднеантичной письменной традиции. Парадоксально, но уныние от присутствия «варваров» вдохновляло греко-римскую интеллектуальную элиту, которая, описывая свои страхи, тревоги и отчаяние вольно или невольно обозначила на горизонте ожидания, на горизонте желанного будущего нового «варвара». И в этих прогнозах, высказанных греческими и латинскими интеллектуалами от Тацита до Аммиана Марцеллина, от Диона Кассия до Прокопия Кессарийского будущее цивилизации в той или иной степени связывалось с племенами Барбарикума. И хотя человек этого племенного мира мог быть вскормлен волчицей, судьба его – служить Риму, укреплять и поддерживать «римский миф». Попытки создать свой миф, например, «кельтский» или «готский», опираясь на пример своих же харизматичных в Барбарикуме племенных вождей Арминия, Верцингеторига, Эрманариха, Стилихона или Теодериха, не предполагались и всегда рассматривались как разрушение римских традиций, культуры и в целом *humanitas*. Вовсе не случайно что один из историографов Барбарикума, готский историк Иордан (VI в.), в самом начале своего сочинения, как бы возражая своим противникам, отмечал, что история племени готов «... исполнена похвалы достойной храбрости мужей», что готы обладают «мужеством» (*animositate*) и «твердостью» (*constantia*),³⁴ другими словами, имеют такое же право на свой миф, как и римляне.

В Средние века распространенное нежелание видеть чужаков равными себе продолжается и запускается процесс стигматизации понятия «варвар», который теперь несет только пейоративные, уничижительные коннотации. Его мобилизующая сила присутствует в сознании средневекового человека, как резервуар, в который помещались собственные нежелательные качества, но, главным образом, чужие, свойственные другим, особенно иноземцам и «безбожникам» или представителям другой веры. Исследование роли «варваров» в формировании средневековой мезоксении представляется одной из перспективных проблем современной варварологии.

В XVI в. особый интерес к племенному миру проявляли гуманисты, которые, преклоняясь перед Античностью, выявляли, переводили, печатали и изучали античные и ранневизантийские исторические сочинения. Большинство ныне используемых письменных источников, которые раскрывают тему «варварства», вошло в научный оборот именно в XVI-XVII вв. Так, с 1645 г. началось издание «*Corpus Byzantinae Historiae*», где публиковались тексты с подробными комментариями. В 1599 г. был издан «*Glossarium graeco-barbarum*», объясняющий многие термины. Согласно общей традиции гуманистического историописания, исключая немецких исследователей, «варвары» и «варварство» как явление европейской истории получило отрицательную политическую окраску. Тем самым были заложены основы будущих дискуссий между романистами и германистами.

Только в XVIII в., когда политес и приличные манеры, разумность и вкус, рациональность и изысканность стали ценностями, принятыми и поддерживаемыми элитой, когда возникло и само понятие «цивилизация», возникло и сразу же обрело священный смысл, присвоив себе монопольное право быть главным критерием всего, в том числе и оправдания насилия, термин «варвар» приобрел преимущественно морально-этический смысл. В эпоху Просвещения те, кто по выражению Э. Гиббона «описывал торжество варварства» в рамках «всеобщей» и «всемирной истории», занимались больше подборкой и переложением материалов источников, чем самостоятельной их интерпретацией и написанием истории варварского мира. Поэтому у просветителей «варварство» имеет двойственную характеристику. С одной стороны, оно представляется

³⁴ *Iord. Get.* 58, 65.

как проявление дикости, воинственности, примитивности и невежественности, а с другой – наивности, умеренности и мудрости.³⁵

Когда в историописании основные позиции занял романтизм, на первом плане оказалась идея нации, с ее самобытным развитием, а также стремление к изучению истории национальных государств и национальной культуры, индивидуального разнообразия в историческом развитии народов. Романтизм стимулировал интерес к филологии, к существенному пополнению фонда источников, в том числе содержащих свидетельства о «варварах», по новому поставил проблему их критики. Так, в 1799 г. в Германии было основано «Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», которое начало выпускать свод источников – «Monumenta Germaniae historica». В 1829 г. стал готовиться к публикации «Corpus scriptorum historiae byzantinae». Во Франции с 1844 г. Ж.П. Минь приступил к изданию свода «Patrologiae cursus completus» латинских (Series latina) и греческих (Series graeca) христианских авторов. На подъеме национального самосознания и укрепления национальных государств происходила реинтерпретация европейского племенного мира и постепенное его выделение в субъект исторического процесса. Немецкое и французское историописание романтизировало жизнь племенного мира, применяя понятие «варвар» в качестве синонима-символа непокорности, как сути свободы. Образы предводителей-варваров вдохновляли романтиков XIX в. Французы гордились Верценгеторигом, немцы – Арминием, англичане – Боудиккой, которые выступили против Рима. Интерес к варварам весьма показательно характеризуют следующие примеры. По указанию Наполеона III в 1865 г. недалеко от городка Ализ-Сент-Рен близ Семюра был установлен памятник варвару Верценгеторигу, чье благородство бросило вызов могущественному Риму.³⁶ На постаменте высечена надпись:

«Галлия объединившаяся
Составляющая единую нацию
Вдохновленная общим порывом
Может бросить вызов миру».

В 1875 г. Вильгельм I почтил своим присутствием открытие памятника вождю херусков Арминию, которого еще Тацит называл возмутителем и освободителем Германии.³⁷ Скульптурное творение Э. Банделя было установлено в провинции Северный Рейн-Вестфалия, недалеко от города Детмольда. Голову знаменитого варвара венчал

³⁵ См., например, характеристики варварских племен у Э. Гиббона: 41 «... неусидчивые и склонные к праздности ... удовлетворяли свою жажду мщения и грабежа ... предприимчивый народ»; 55 «... искал дружбы этого сильного народа...»; 57 «... храбрости европейских варваров... изливали свою ярость одни на других ... успевали силой или храбростью...»; 58 «... искали римского покровительства. ... были заносчивы ... готовы на всякое предприятие ...»; 197 «... идут на войну по склонности ...»; 198 «... считавшие войну за наслаждение ... обнаружившие военные дарования ... предпочитали узы верноподданства узам кровного родства ... считали всякую личную обиду за оскорбление всей нации ...»; 224 «... по своей неустрашимой храбрости ... отличавшихся своим проворством...»; 225 «... с бесстрашной беззаботностью...»; 304 «... отважными и неустрашимыми ратными товарищами ... искусны в мореплавании ... отважные пираты...»; 305 «... неустрашимой храбрости саксов ... могущество пиктов ... войны и хищничество были господствующей страстью ...»; 306 «... возбудило их любознательность...»; 315 «... славились своей силой и ловкостью ... непреклонной и упорной настойчивостью ... питали наследственную привязанность ... буйство варварской молодежи ...»; 316 «... вели себя с наглостью ... свирепость варваров ...»; 371 «... держал себя с величием героя ... отличался благоразумием и мужеством ...»; 374 «... вероломный гот ... осторожный Стилихон ...»; 380 «... скромность Алариха ... благоразумный готский военачальник ...»; 393 «... обнаруживал притворную сдержанность ...»; 402 «... германцы были менее развратны ... менее жестокосердны ... под грубой и даже дикой внешностью ... нередко скрывались добродушие и сострадание...» и др. (Гиббон Э. 1994).

³⁶ Талантливый организатор и стратег, вождь кельтского племени арвернов Верценгеториг возглавил в 54 г. до н.э. Великое галльское восстание против Рима. Будучи запертым в Алезии, терпя поражение, он лично предал себя в руки Юлия Цезаря с условием пощадить осажденных. Однако, римляне не только не сдержали обещание, но отправили Верценгеторига в Рим, провели в триумфальной процессии Цезаря, шесть лет держали в заточении в Мамертинской тюрьме, а затем казнили (Широкова Н.С. 1989, 128-135; Колосовская Ю.К. 2000, 42-48). Памятник Верценгеторигу создан скульптором Э. Миллетом.

³⁷ Tacit. Ann. I. 55 (... turbator Germaniae...); II. 88 (... liberator haut dubie Germaniae...). В 9 г. Арминий возглавил восстание германцев и уничтожил римскую армию в Тевтобургском лесу, остановив тем самым римскую экспансию на земли германских племен. Римляне перешли к оборонительной тактике, навсегда отказываясь от попыток занять территории варваров вплоть до Эльбы (Шукин М.Б. 1994, 188-190).

крылатый шлем, в правой руке он держал меч, левой ногой попирал орла, символа римских легионов. На мече видна надпись:

«Немецкое единство, моя сила

Моя сила, мощь Германии».

На рубеже XIX-XX вв. в ходе бесконечных споров историки убедились: только заглянув в могилы, можно представить, как жили племена, которых называют «варварами». В ожидании археологов XX в., обозначивших истинное место «варваров» во всемирной истории, появилось понятие «цивилизация варваров». Таким образом, семантическое наполнение терминов «цивилизация», «варвар», «варварство» прошло длинный путь. Однако среди историков, археологов, этнологов, философов, социологов и политологов они до сих пор не обрели однозначного толкования, остаются по-прежнему субъективными и не субстанциональными.

В отношении понятий «варвар» и «варварство», возможно, это объясняется также и тем, что не всегда принималась во внимание архетипическая адаптивная, нейтрализующая тревогу, природа слова «чужой». Понятие «варвар», как негативный «чужой», существовало в сознании людей не извечно. Его появление, связанное с существенным сдвигом сознания первобытного человека, обозначило такой процесс организации его жизненного опыта в предотвращении внешней опасности, когда возникло дихотомическое противопоставление «себя» всем «другим». Условно эту эволюционную цепочку можно было бы представить следующим образом:

- доисторический «коллективизм» («мы – они» - «мы – не они» - «свой – другой» - «свой – чужой»);

- гомоцентризм («люди – не люди» - «настоящие люди» - животные);

- этноцентризм («греки – не греки» - «римляне – не римляне» и т.д.);

- цивилиоцентризм («эллины – варвары» - «римляне – варвары» и т.д.).

На первом этапе происходило осознание своего отличия, как неизменной данности, от других себе подобных, не наделяя его какими-то общими признаками. На втором этапе уже выделялось отличие всех, кто не «мы» и в сущности даже не вполне люди. Затем эти признаки непохожести усложнялись, далеко не всегда приобретая, однако, одиозный смысл. На следующем, четвертом, этапе происходило разветвление «лабиринта варварства» на этнические, этические и потестарно-политические составляющие. И так, дефиниции, определившие смысл понятия «варвар», сложились задолго до появления самого понятия, оформившего этот «первообраз», как архетип, как вневременную схему. «Варвар», как изначальная схема представлений, как феноменологический, вечно-человеческий и вечноповторяющийся архетип, существовал и существует до настоящего времени, жестко характеризую мир на похожих и непохожих по действиям, ценностям и убеждениям. Отметить это тем более важно, поскольку «варварство», как явление когнитивное и психологическое, постоянно активизируется и в латентной форме, к сожалению, будет существовать всегда, как своеобразное «зазеркалье» цивилизации. Нельзя не присоединиться к мнению философа Н.В. Мотрошиловой которая рассматривает «варварство» как «наследственный код», оборотную сторону цивилизации.³⁸

Во II-VII вв. в эпоху Великого переселения народов разворачивается история *консимилированных варваров*, в которой сконцентрированы уникальные примеры проявления классического варварства. Его сущностные характеристики наиболее полно раскрываются через феномены идентичности (в том числе этнической), миграций (степень организованности и географической мобильности), а также через морально-этические ценности, нормы и соответствующие модели поведения. Обратим более пристальное внимание на некоторые особенности этого процесса.

Племенной мир, занимавший огромные просторы между Атлантическим и Тихим океаном, не был одноликим миром диких варваров, но сложным конгломератом

³⁸ Мотрошилова Н.В. 2010, 95-114.

разнообразных миров, которые имели свое внутреннее единство, свою хозяйственно-культурную особенность и каждый из которых представлял собой некое этническое пространство.³⁹ Его контакты с цивилизацией, ход и темпы миграционного напряжения в немалой степени определялись спецификой этого этнического пространства. Я подразумеваю под этническим пространством объединенные идентичностью племенные общности конкретного географического и хронологического локуса, исходя из понимания этничности, как контекстно зависимого ситуативного чувства, мощного средства и ресурса мобилизации в дихотомии «мы - они», «свой – чужой». Как правило, этничность в племенном мире проявлялась через этноним, а в более поздние периоды через традиционную культуру и защиту исторического наследия первых т.н. «варварских королевств». Поскольку этничность не является врожденным свойством, а скорее процессом, «постоянным плебисцитом», преломленным в сознании индивида, ответом варвара на вызов выживания, само становление, функционирование и воспроизводство этнического пространства имело свою специфику. В стабильные периоды оно, вероятно, не было востребовано и находилось в латентном состоянии, а в условиях бифуркаций выходило на первый план среди профессиональных, половозрастных, территориальных и других лояльностей. При этом этничность имела особую ценность, и племена, как ее воплощение, могли, как, например, готы, создавать свои мифологемы. И хотя каждое из племенных сообществ, составлявшее то или иное этническое пространство, имело свое достаточно выраженное своеобразие, тем общим, что их объединяло, была причастность к особому, условно называемому «варварскому» пути развития.

Этнической вражды, этнических противоречий как таковых, племенной мир консимилированных варваров еще не знал, на что следует также обратить внимание. Им было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре других народов. Об этом свидетельствует бесчисленное количество фактов. В человеческих коллективах еще не было ярко выраженных этнических противоречий. Этничность маркировала, прежде всего, горизонты социальной жизни, отражая проявление инстинкта территориальности. Поэтому «другое» изгонялось из области позитивных ценностей, преимущественно принимая враждебные формы. Имя конкретного племени, этноним, использовалось в качестве «образа врага», который подобно призраку шагал с мигрирующими народами. Этот «кочующий образ» мог и покинуть своего хозяина, и выбрать в спутники другого. Обладая консервативностью и огромной жизнеспособностью, он стал архетипом уникальной устойчивости. Передаваясь из поколения в поколение, этноним мог менять свое содержание, поскольку менялось представление тех, кто его использовал. Постепенно он стал утверждаться как оценочный термин, фиксируя личную заслугу или вину, превращаясь в титул или прозвище (этнофолизм). Его функция как «пароля», емкого символа-маркера, своеобразного универсального «языка общения», койнэ, не только между цивилизацией и племенным миром, но и между мигрирующими народами, трансформируясь и развиваясь, сохранилась в последующих цивилизациях вплоть до Постиндустриальной.

Консимилированные варвары, обитавшие на землях от Рейна и Дуная до предгорий Алтая и степей Восточной Азии, еще не достигли того рубежа, с которого начиналась собственно цивилизация. Они находились в состоянии перехода, в преддверии цивилизации, преимущественно на стадии формирования «цивилизации варваров». Выделялся мир сравнительно «окультуренных» племен, уже подвергшихся влиянию цивилизации. Зачастую они определяли характер взаимоотношений, как с цивилизацией, так и с той частью племен, которые обитали в отдаленных районах Барбарикума.⁴⁰ Во II - VII вв. на северных окраинах римской и китайской цивилизаций сформировались два таких центра - мир германских племен на Западе и этническое пространство кочевых варварских племен в Азии. Тогда же возникла и выделилась заметная роль ядра дальней

³⁹ *Budanova V.* 2009, 113-119.

⁴⁰ *Колосовская Ю.К.* 1996, 146-166.

периферии Барбарикума - славянского мира.⁴¹ В ходе великих миграций, племена, обитавшие в зоне варварской периферии цивилизации, были частично «поглощены» двумя мировыми державами - Римской и Китайской. Племена более отдаленные прошли поэтапный эволюционный процесс, но у некоторых развитие не развернулось и они оказались в историческом тупике, выбраться из которого так и не смогли.⁴²

Есть и другая черта, общая для характеристики консимилированных варваров - миграционная активность.⁴³ Даже миграции в пределах варварской периферии отражали предрасположенность племен к контактам с соседней цивилизацией. Они же выступали фактором, стимулирующим эти контакты: военные, торговые, дипломатические и т.д. Мобильность племенного мира Барбарикума стимулировалась римским влиянием, заражая миграционным «вирусом» все большее число германских племен. При этом значительную провокативную роль выполняла территориальная экспансия непосредственно Римского государства. Этот натиск на плотно населённые области вызвал волну передвижений, которая первоначально катилась с запада на восток и с севера на юг.⁴⁴ Сходные процессы проходили также и в азиатском регионе. После образования сильного государства Цинь его правители, понимая опасность присутствия на севере кочевий варварских племен, ставили целью оттеснить их от границ империи. В общении с северными кочевниками в основном преобладала тенденция их изгнания и вытеснения.⁴⁵ Подобно китайским войскам, римляне неоднократно вторгались и вели военные действия в пределах племенных территорий варваров-германцев. Образование первых военных союзов - это «ответ на вызов», проявление начавшегося процесса противостояния и одновременного сближения римского и варварского миров.⁴⁶ Варвары выиграли в сопротивлении римской цивилизации, но при этом вышли на «старт» массовых миграций, лавинообразный поток которых остановился только в конце VII в.

Как известно, в Европе начало масштабного военного противостояния варварского мира и римской цивилизации связано с Маркоманнскими войнами (166-180 гг.). В азиатском регионе им, пожалуй, соответствует серия массивных вторжений сюнну (хунну). В отличие от Римской империи, которая, выиграла противостояние с варварским миром, Китайская империя в первых войнах с сюнну (хунну) его проиграла.⁴⁷ Стремительная трансформация европейского Барбарикума развернулась в III в.: переселились на Декуматские поля аламанны и франки, часть готов заняла Дакию, в районе Реции усилилась позиция ютунгов, на Верхнем Дунае появились бургунды и вандалы. Среднедунайская низменность, которая выбрасывала миграционные волны квадов, маркоманнов, бургундов, аламаннов, сарматов, гепидов, готов стала в IV в. центром варварского мира, «серединой варварской земли».⁴⁸ Китайская империя периода правления последних императоров Старшей династии Хань, так же как и Римская, сдерживая напор соседних варварских племен, сравнительно быстро определила наиболее опасные районы их вторжений. Особо выделяется один из них - бассейн реки Тарима, который ханьцы называли Западным краем. Следует отметить, что районы Восточной Азии к северу от Ханьской империи представляли собой плотно заселенное различными кочевыми племенами пространство. Кроме сюнну (хунну) здесь обитали набиравшие силу сяньбийские племена, вдоль ханьской границы в Маньчжурии кочевали ухуани, степи между Ордосом и озером Лобнор занимали тангуты. На западе этого обширного кочевого пространства выделялись усунь, а на севере - енисейские динлины, и их соседи хагасы.⁴⁹

⁴¹ *Вона* I. 1991; *Седов* В.В. 1994; *Он же*. 1995; *Гавритухин* И.О. 2000; *Крадин* Н.И. 2001; *Головнев* А.А. 2009, 180-206; *Буданова* В.П., *Горский* А.А., *Ермолова* И.Е. 2011.

⁴² *Мансуэлли* Г. 2007, 307.

⁴³ *Головнев* А.А. 2009, 180-206; *Буданова* В.П. 2011, 19-53.

⁴⁴ *Буданова* В.П. 2002, 188.

⁴⁵ *Таскин* В.С. 1968; *Сюй Тао*. 1996.

⁴⁶ *Колесницкий* Н.Ф. 1985, 5-26.

⁴⁷ *Langemann* G. 1981; *Коловская* Ю.К. 2000, 98-127; *Крадин* Н.И. 2001, 119-125.

⁴⁸ *Буданова* В.П. 2000, 31-42.

⁴⁹ *Думан* Л.И. 1970, 37-50.

Концентрация консимилированных варварских племен у границ Римской империи порождала конфронтацию, которая стимулировала их переход на римскую территорию. Среди амбициозных племенных вождей усиливались проримские настроения, которые римляне всячески поощряли и вознаграждали. Родовая аристократия кочевых племен также проявляла себя не только на полях сражений и в военных походах, но интриговала и устраивала заговоры против своих предводителей. В европейском регионе проримские настроения среди племени готов окончательно разделили их на везеготов и остроготовов.⁵⁰ В Восточной Азии борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партий также привела к расколу племени сюнну (хунну).⁵¹ Часть северных сюнну (хунну) вошла в состав сяньбийского племенного союза, многие смешались с северными китайцами, остальные ушли на запад к озеру Балхаш. С этого времени началась их ассимиляция с другими племенами и во II в. н.э. античная письменная традиция уже упоминает этот смешанный народ как «гуннов». Таким образом, для двух лидеров варварского мира - готов и сюнну (хунну) - проимперские настроения оказались трагичными, ибо привели к утрате племенного единства.

Консимилированные варвары племенного мира стремительно втягивались в жизнедеятельность цивилизации, во внутриимперские интриги, в борьбу вокруг власти и за власть. Вышедшие из среды «федератов», полководцы варварского происхождения интегрировались в римскую социальную структуру, входя в ее военную элиту. Китайская империя для обороны от кочевников также нуждалась и прибегала к помощи самих кочевников, включая их в сферу своих интересов. Южные сюнну (хунну), подобно римским «федератам», защищали ее границы, их вожди награждались громкими титулами и получали высокие посты в китайской армии. Переселение сюнну (хунну) в Китайскую империю, так же как готов в Римскую, открыло новый этап их исторического превращения. В ходе противостояния Риму ввиду войн и переселений возникла текучесть состава знати. Часть родовой верхушки погибла во внутренних и внешних конфликтах. На основе дружинных отношений постепенно сформировалась и окрепла военная знать. Военные трофеи и принятая практика поднесения «даров» способствовали тому, что в Восточной Азии у верховных правителей кочевых племен и родовой знати также скапливались значительные ценности. Но варвары-кочевники не только воевали с империей. В промежутках между войнами велась активная дипломатическая деятельность.⁵²

В период между Адрианопольским сражением и падением Западной Римской империи произошел наиболее яркий и противоречивый всплеск миграционной активности варваров европейского Барбарикума. Гуннское присутствие в европейском регионе активизировало варварское миграционное пространство как в начале массового переселения племен в империю в 376 г., так и незадолго до окончательного крушения Западноримского государства в 476 г. Характер участия самих германцев в миграционных процессах изменился. Пройдя этап стихийных, лавинообразных передвижений, переселений, поисков «желанной земли», многие племена осели и начали территориальную экспансию. Они заняли стратегически важные области, ключевые позиции в политической жизни империи. Гунны оказались тем катализатором, который ускорил эти процессы. Особенно выразительно воздействие гуннов на судьбы племен Верхнего и Среднего Подунавья. Из-под обломков рухнувшей «державы» Атилы выбрались консолидированные этнополитические образования (гепиды, герулы, готы). Расположенные на границе двух Империй, в географическом районе, который вызывал споры и вражду между Византией и Западом, эти варвары-германцы соперничали из-за контроля над определенными районами. Создавался постоянный фон нестабильности, распрей и «смуты», что самих варваров держало в напряжении и вскоре снова привело к

⁵⁰ О проблеме разделения готов см.: Буданова В.П. 1999.

⁵¹ Таскин В.С. 1989, 5-28.

⁵² Думан Л.И. 1970, 37-50; Буданова В.П. 2000, 105-118.

очередному взрыву миграционной активности. Племена пришли в движение, которое одних привело в Константинополь, а других снова в Западную Европу, но на этот раз уже без сопровождения гуннов.

В процессе взаимодействия с цивилизацией, как правило, проявлялись разные формы мобильности варварских племен. Это и передвижения с целью грабежа или с целью расселения, передвижения, связанные с выполнением обязанностей федератов, переселения, спровоцированные военными маневрами империи или миграцией других племен, и, наконец, передвижения как экспансия, расширение границ уже имеющихся владений. Массовое переселение варваров из Барбарикума в Римскую империю во II-VII вв. осознается как непреложный факт их включения в огромную державу, обретения большинством племен определенной социальной ниши в римской государственной системе и создания варварских «королевств» различного типа. В V в. империя «управляла» процессом формирования на своих землях первых варварских «королевств», что создавало впечатление о возрастающей «управляемости» варварскими миграциями со стороны Рима. Германцы становятся федератами, продвигаются в отведенные им земли, перемещаются в пределах империи, выполняя функции федератов, и даже вступают в вооруженные столкновения друг с другом, если этого требовал долг перед империей. Германская знать домогается от императоров знаков власти и признания. Открывается широкий простор для проявления личного мужества в защите интересов империи. Война рассматривается как работа, которая дает возможность сделать карьеру. Появляется новый тип лидеров - конунгов и вождей, которые ведут свои племена к созданию на землях Западной Римской империи германских «королевств». С другой стороны, «врастая в Рим», германцы все более целенаправленно воздействуют на механизмы имперской власти. Они добиваются разрешения заселять вполне конкретные, нередко лучшие земли, например, Западный Иллирик, северное побережье Африки, Юго-Западную Галлию, Италию. Переселение превращается в расселение. Варвар-германец как инструмент сохранения Римского государства, как щит от других варваров, в ходе миграций сам начинает использовать империю для создания собственной государственности. Однако некоторые предводители варваров-германцев понимали тупиковость данного пути. Парадокс заключается в том, что эта амбициозная идея реализовалась в азиатской «модели» Переселения. Племена сяньбийцев, начавшие во II в. расселяться на Великой равнине, усилились и в начале IV в. сформировали собственную державу. Своеобразное «варварское государство», противостоящее китайским государственным образованиям, добровольно пошло по пути его стремительной китаизации, вплоть до отказа от родного языка и веры, принятия китайских имен, культуры, китайской государственности и религии. Элементы кочевой культуры севера в конечном итоге фактически слились с культурной традицией Среднекитайской равнины.

Итак, изменения и многовековая трансформация идентичности, мобильности и моделей поведения консимилированных варваров племенного мира II-VII вв. шли не изолированно и лишь отчасти самодостаточно, ибо были связаны, зависимы, порой подчинены ходу развития сопредельной цивилизации. Отношение цивилизации к этому варварскому миру, являясь в большинстве случаев стратегически оправданным, основанным на балансе сдерживания и использования, приводило к провоцирующему эффекту и формировало в варварском мире неприятие самой цивилизации и каких-либо отношений с ней.

В отличие от событийной истории образ европейского варварства II-VII вв. недостаточно четок и репрезентативен. В сущностной характеристике варварства принципиально важно, как мне кажется, учитывать, прежде всего то, что Барбарикум являлся самоуправляемым и саморегулируемым миром, в котором способ жизнедеятельности человека определяли преданность вождю-предводителю племени, бескомпромиссное участие в защите своих территориальных владений и культ силы (где сила, там и справедливость). Отсюда и нацеленность на воинское мастерство, славу и

власть, презрение жизни ради богатства, которое добывалось с помощью силы, а затем щедро тратилось на поддержание своей репутации. Главный способ самоутверждения консимилированного варвара не ораторское искусство убеждения, а поединок с оружием в руках, так как его этический кодекс был основан на силе и иррациональности. Также поэтому приветствовалось иерархическое племенное чиновничество, сопряженное с беспрекословным выполнением воли предводителя и, одновременно, со стремлением племенной знати уравниваться с римскими патрициями. Варварство консимилированных варваров отличалось почти паразитическим способом жизни уже не столько земледельцев и скотоводов, сколько тех, кто контролировал торговые пути и шел в римскую армию на службу, связанную также с выполнением федератских контрольно-охранительных функций. Хотя твердости и жестокости у этих варваров было не больше, чем у римлян, но вероломство, необязательность и целерациональная мотивация их поступков, проявлявшаяся в реальных практических делах, находит многочисленные прямые и косвенные подтверждения в сочинениях позднеантичных и раннесредневековых авторов.

Если исходить из того, что «цивилизация» это определённый тип общества, отражающий процесс, систему и состояние поступательного развития, которое проходит определенные этапы, то «цивилизацию варваров» можно определить как образ жизни, способ обеспечения выживания, детерминированный базовыми устоями существования племенного мира. Среди наиболее существенных признаков «цивилизации варваров» выделим особенности среды обитания, материальные и духовные ценности, человеческий вектор, определявший их поддержание и модальность, устройство идентичности, способы хранения и передачи информации, а также наличие преемственности, которая транслирует достижения от поколения к поколению. Уже неоднократно обращалось внимание на то, что вклад племенного мира в исторический опыт становления европейской цивилизации недооценен.⁵³ На мой взгляд, такое небрежение вызвано, прежде всего, тем, что варвары, особенно консимилированные, демонстрируют иной темп и вектор развития, иной «коридор» эволюции с неоднозначным проходом в будущее, уходящим в тупиковое направление несостоявшихся цивилизаций. Это подтверждают периодически вспыхивающие споры между романистами и германистами, между сторонниками и противниками германской атрибуции некоторых археологических культур, а также дискуссии вокруг вопросов баланса «варваризации» и «романизации» и типологии потестарности варваров.⁵⁴

Обширный мир племён Барбарикума будучи субъектом всемирной истории даёт другой опыт представления о жизни, другой способ видения мира, другое отношение к жизни, другую систему ценностей. Принято считать, что человек в подобных мирах не был цивилизован, не рефлексировал на собственное бытие, не задумывался над смыслом собственной жизни, не хотел знать мир, в котором жил, природу, которая его окружала. Но так ли это? Устная традиция, предания, «переселенческие» саги концентрировали память о событиях и типах поведения, жизненных для человека из Барбарикума. Символы (надгробные камни), обряды и обычаи также несут особую информацию о том, как, например, удерживался мир кельтов, скифов или германцев от разрушения. Материал для понимания *стабилизирующих факторов* в образе жизни варварских народов продолжает обильно пополняться археологией. Неожиданный результат исследований последних десятилетий о мифопоэтическом мировосприятии варваров представлен лингвистами, культурологами и историками.

Еще раз следует подчеркнуть, что «цивилизация варваров» - это молчаливая интравертная цивилизация. Система ценностей и образ жизни народов Барбарикума здесь сложны и эластичны. Прежде чем описывать, их необходимо расшифровать, как это уже сделано в отношении кельтов. Движение в этом направлении обозначено работами исследователей Венской школы, университетов в Орхуссе, Йеле, Торонто, Пуатье,

⁵³ См., например: Bowersock G.W., Brown P., Grabar O. 1999.

⁵⁴ См., например: Heather P. 2005; Ward-Perkins B. 2005; Goffart W. 2006; Idem. 2008.

Болонье, Пенсильвании. Отмечено, что римская концепция варваров в качестве охранной системы интеллектуальных владений историков ещё долго будет оставаться серьёзным препятствием в формировании нового образа Барбарикума. Действительно, у греков и римлян определение варваров однозначно, хотя об особенностях этой цивилизации они редко писали, так как самое главное им и так казалось очевидным. С Барбарикумом их объединяло не только общее прошлое с общими предками индоевропейцами, но и общие перспективы будущего. Однако в древности ни одно из племён Барбарикума не создало свою *экстравертную цивилизацию*, подобную Греко-римской, хотя «железная революция», как кажется, всем предоставила равные возможности.

Таким образом, «цивилизация варваров» - это иерархическая система, сложная и многоуровневая. Её внутренняя структура квантировалась этнической идентичностью, которая формировала свои миры: кельтский, иллирийский, фракийский, скифский, германский и т.д. Роль государства здесь ничтожна, а порядок был основан на межличностных отношениях. Однако жители Барбарикума были способны к длительному автономному существованию, к организации потестарных структур, умели создавать крепкие и относительно стабильные общества. Для них характерна близость, однотипность социально-политических структур и религиозных верований, соответствие которым находилось в эллинском и римском пантеоне. Здесь разрабатывали разумные и точные правовые нормы. У скифов, фракийцев, иллирийцев, кельтов и германцев была своя элита, способная к рефлексии и абстрагированию. Судьба Европы часто находилась не только в руках Александра Македонского, Юлия Цезаря, Марка Аврелия или Аэция, но и скифских царей Иданфирса и Атея, кельтского предводителя Верцингеторига, царя даков Бурбисты, вождя херусков Арминия, готских конунгов Алариха и Теодериха, харизматичного вандала Стилихона и его соплеменника конунга Гейзериха.

В «цивилизации варваров» присутствовало нечто общее, что объединяло народы Барбарикума, племена кельтов, германцев, скифов, фракийцев и других. Доминирующие витальные потребности подталкивали ее к расширению, к экспансии - шла борьба за земли и ресурсы, за их перераспределение. Обладавшие накопительной способностью материальные ценности стимулировали бифуркационные процессы, что вело к образованию так называемых «больших племён» и трёхступенчатой социальной структуры (знать, жрецы, рядовые), где иерархию определяло отношение к обязанностям, а не к собственности. Если в Греко-римской цивилизации города являлись, прежде всего, местом управления, обитания элиты и культурными центрами, то города Барбарикума (а их было не мало!) – это, прежде всего, центры торговли и ремесла. «Цивилизация варваров» демонстрировала мощный экономический напор, который раздражал и одновременно притягивал. Так, в пору своего предельного расширения и могущества скифы снискали славу самого богатого народа Европы, а крупные ремесленные мастерские и артели бродячих кельтских мастеров диктовали даже в самых дальних уголках Европы моду на латенские изделия. Для «цивилизации варваров» характерен культ войны, военного дела, соответствующих стратегических и технических новшеств (например, так называемые «скифский поворот», «галльская стена»). Мужество, храбрость, честь, преданность и верность определяли культ воина-героя, значили больше, чем накопление богатства, что давало грекам и особенно римлянам повод для восхищения. Слова вандала Стилихона: «Одержи победу сегодня, и ты станешь победителем во многих неначавшихся войнах» впоследствии заняли достойное место в трудах по военному делу.

«Иной», «варварский» хабитус человека Барбарикума сопротивлялся влиянию извне, например, образу жизни, который римляне пытались навязать, кельтам, дакам, германцам, называя его *humanitas*, «человеколюбие». Всякие заимствования пресекались и скифами, которые были наиболее непроницаемы для влияний, и где их либо не было совсем, либо было мало, ибо хранилась верность своей старине. «Цивилизация варваров» была хранителем такой формы традиции, которая

исключала неорганизованность, примитивность и неполноценность. Свобода от своих традиций и вседозволенность, которую варвары получали переселяясь в Римскую империю, привела их к потере идентичности, в конечном итоге к гибели. В отличие от историцизма классических цивилизаций, которые пишут и оставляют свои «архивы», для «цивилизации варваров» письменность не являлась необходимостью. Роль письменности в этом мире выполняли мнемонические символы и ритуалы. Символы природные (деревья, скалы, урочища, небесные светила) и созданные человеком (идолы, курганы, архитектурные сооружения) как «гравитационные центры» концентрировали в памяти варваров происходящее.

Таким образом, антиномичный тандем двух понятий «цивилизация» и «варвары», на мой взгляд, не является историческим казусом. В узком смысле «цивилизация варваров» - это определённый этап в истории человеческого общества, через который прошли многие племена и народы. Для «цивилизации варваров» в Европе исходную точку, вероятно, следует искать в эпохе Гальштата, когда происходила стремительная индивидуализация, нарастали разнообразие и пестрота мира, завершившиеся в Латене. Окончательный распад этого цивилизационного пространства, его надлом, начавшийся на рубеже II-III вв., завершился только в VII в. В более широком понимании, «цивилизация варваров» это универсальный концепт, применимый в бинарной оппозиции любых цивилизаций, стоящих перед выбором принятия «своих» и отторжения «чужих» стандартов, темпов и векторов эволюционного развития.

Как исследователи, мы не можем не осознавать, что изучение варваров перегружено эмоциями. Их образ менялся, но неизменным оставалось античное пропагандистское клише: варвар - это символ абсолютного зла, насилия, низкого уровня развития, закрытости и паразитизма. На мой взгляд, это значит, что и в XXI в. исследование истории варваров и варварства в антропологии цивилизаций остаётся актуальной кросскультурной темой.

Литература

- Свод. 1991: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). - М.: Наука.
- Свод. 1995: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII-IX вв.). - М.: Восточная литература.
- Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte / Versehen von W. Seyfarth. Berlin, 1968–1971. Bd. I-IV.
- Eutropius*. Breviarium ab urbe condita // MGH. Auct. Antiquiss. Berlin, 1879. Vol. II.
- Iordanes*. Getica (De origine actibusque Getarum). // MGH. Auct. Antiquiss. Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.
- Paulus Orosius*. Historiarum adversus paganos libri VII / Ed. C. Zangemeister // CSEL. Lipsiae, 1889. Vol. V.
- Philostorgius*. Historia ecclesiastica // PG. Paris, 1858. T. LXV.
- Античная цивилизация и варвары. 2006: Античная цивилизация и варвары. / Отв. ред. Л.П. Маринович. - М.: Наука.
- Бибиков М.В.* 1981: Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 г. / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. - М.: Наука. 5-151.
- Бонгард-Левин Г.М.* 1980: Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. - М.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* 1985: Индия в древности. - М.
- Буданова В.П.* 1988: Варвары в представлении «Анонима Вalezия» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / Отв. ред. Л.С. Чиколини. - М.: Наука. 57-64.

- Буданова В.П.* 1997: Трансформация образа варвара: от переселения к расселению // Тезисы докладов конференции «Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества» / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. Москва, 23-25 июня 1997 г. - М.: Индрик. 13-14.
- Буданова В.П.* 1999: Готы в эпоху Великого переселения народов. - СПб.: Алетейа, 2-е изд.
- Буданова В.П.* 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. - М.: Наука.
- Буданова В.П.* 2002: Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизации / Отв. ред. акад. А.О. Чубарьян. Вып. 5. 168-192.
- Буданова В.П.* 2011: Модели великих переселений народов: от миграции в истории к истории миграций // Иммиграционный вызов в начале XXI века: миграции в глобализирующемся мире / Отв. ред. В.М. Хачатурян, Е.Ю. Сергеев. - М.: ИВИ РАН. 19-53.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* 2011: Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты / Отв. ред. А.А. Горский. - СПб.: Алетейа.
- Васильев Л.С.* 2001: Культы, религии и традиции в Китае. - М.
- Васильев Л.С.* 1989: Проблемы генезиса китайской цивилизации: формирование основ мировоззрения и менталитета. - М
- Всемирная история. 2003: Всемирная история: Энциклопедический словарь. - М.: Эксмо; Большая Российская энциклопедия. 177-178.
- Всемирная история. 2011: Всемирная история. Т.1. Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. - М.: Наука.
- Всемирная история. 2012: Всемирная история. Т.2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров. - М.: Наука.
- Гавриутухин И.О.* 2000: Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. - Київ-Чернівці.
- Гиббон Э.* 1994: История упадка и крушения Римской империи / Пер. с англ. В.Н. Неведомского / Сост. Попов Б.С., Уколова В.И. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура».
- Головнев А.В.* 2009: Антропология движения (древности Северной Евразии) / Отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков - Екатеринбург: УрО РАН; «Волот».
- Грацианская Л.И.* 1999: Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / Отв. ред. А.В. Подосинов. - М.: Восточная литература. 46-58.
- Гребенюк А.В.* 2006: Курс лекций по истории мировых цивилизаций. Ч.1. Цивилизации Древнего Востока / Науч. ред. Б.В. Александров. - М.: Рубежи XXI.
- Гумилев Л.Н.* 1993: Хунну: Степная трилогия. - СПб.: Тайм-аут-Компасс.
- Гуревич А.Я.* 1984: Категории средневековой культуры. - М.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* 1982: Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. - М.: Наука.
- Древние цивилизации. 1989: Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина. - М.: Мысль.
- Думан Л.И.* 1970: Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I-III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье / Отв. ред. С.Л. Тмхвинский и Л.С. Переломов. - М. 37-50.
- Дьяконов И.М.* 2007: Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. - М.: КомКнига.
- Ерасов Б.С.* 2002: Цивилизации: Универсалии и самобытность / Отв. ред. Н.И. Зарубина. - М.: Наука.
- Ермолова И.Е., Култышова И.С., Светилова Е.И., Шопина Н.Р.* 1998: Античность. Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Ярхо. - Дубна: Феникс. 49.

- Жигунин В.Д.* 2000: Древность и современность. Человечество на пути к синтезу: Учебное пособие / Науч. ред. Г.П. Мягков. - Казань: Новое Знание.
- Згурский Г.В.* 2008: Словарь исторических терминов / Под ред. С.Н. Смоленского. - М.: Эксмо. 78.
- Иванов С.А.* 1987. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. - М.: Наука. 27-32.
- Ионов И.Н.* 2007: Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Отв. ред. Л.П. Репина. - М.: Наука.
- Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* 2002: Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. - СПб.: Алетейя.
- Исторический.* 2010: Исторический энциклопедический словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп. 95.
- История.* 1998: История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. - М.: Изд-во МГУ.
- Кнабе Г.С.* 1975: Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры / Отв. ред. М.А. Лифшиц. - М.: Наука. 62-130.
- Колесницкий Н.Ф.* 1985: Этнические общности и политические образования у германцев I-V вв. // Средние века. Вып. 48. 5-26.
- Колосовская Ю.К.* Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // Вестник древней истории. № 2. 146-166.
- Колосовская Ю.К.* 2000: Рим и мир племён на Дунае. I-IV вв. - М.: Наука.
- Крадин Н.Н.* 2001: Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Логос.
- Крюков М.В.* 1982: Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. - М.: Наука. 147-163.
- Крюков М.В.* 1984: «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнического самоназвания) // Этническая ономастика / Отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. - М.: Наука. 6-12.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* 2006: Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I. Теория и история цивилизации. - М.: Институт экономических стратегий.
- Культура Византии.* 1984-1990: Культура Византии / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. - М.: Наука. Т. 1-3.
- Курбанов М.Г.* 2006: Варварство в гримасах цивилизации // Вестник Российского философского общества. - М.: РФО, № 2 (38). 120-122.
- Курбанов М.Г.* 2008: Варварство: дорога и дом // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. - М.: Учитель, № 1 (49). 73-89.
- Лисовой И.А., Ревяко К.А.* 1996: Античный мир в терминах и названиях / Науч. ред. А.И. Немировский. - Мн.: Беларусь. 48.
- Мансуэлли Г.* 2007: Цивилизации древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком; пер. с фр. Е. Абрамовой. - Екатеринбург: У-Фактория.
- Маринович Л.П.* 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. - М.: Наука. 5-29.
- Масон В.М.* 1989: Первые цивилизации / Отв. ред. И.Н. Хлопин. - М.: Наука.
- Морган Л.Г.* 1931: Древнее общество. - М.
- Мотрошилова Н.В.* 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. - М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Новая Российская.* 2007: Новая Российская энциклопедия / Глав. ред. А.Д. Некипелов. - М.: Энциклопедия; ИНФРА-М. Т. III (2). 200-201.
- Подосинов А.В.* 2002: Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. - М.: Индрик.

- Подосинов А.В.* 1984: Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 г. / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. - М.: Наука. 8-178.
- Подосинов А.В.* 1985: Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. - М.: Наука.
- Подосинов А.В., Скржинская М.В.* 2011: Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. - М.: Индрик.
- Седов В.В.* 1994: Славяне в древности. - М.: Изд-во «Научно- производственное благотворительное общество «Фонд археологии».
- Седов В.В.* 1995: Славяне в раннем средневековье. - М.: Изд-во «Научно- производственное благотворительное общество «Фонд археологии».
- Словарь. 1964: Словарь иностранных слов / Глав. ред. Ф.Н. Петров. - М.: Советская Энциклопедия. 124.
- Словарь. 1989: Словарь античности / Отв. ред. В.И. Кузицин. Пер. с нем. - М.: Прогресс. 92-93.
- Словарь. 1998: Словарь исторических терминов / Под ред. А.П. Крюковских. - СПб.: ЛИТА. 27.
- Словарь средневековой культуры. 2003: Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я. Гуревича. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Смирнова Е.Д., Сушкевич А.П., Федосик В.А.* 1999: Средневековый мир в терминах, именах и названиях / Сост. Е.Д. Смирнова. - Мн.: Беларусь. 61.
- Советский энциклопедический. 1979: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. С.М. Ковалев. - М.: Советская энциклопедия. 196.
- Сравнительное изучение цивилизаций. 1999: Сравнительное изучение цивилизаций / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. - М.: Аспект Пресс.
- Сюй Тао.* 1996: Китай и северные варвары (III в. до н.э. – VI в. н.э.) взаимодействие народов и культур. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Таскин В.С.* 1968: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Таскин В.С.* 1989: Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. Вып. 1: Сюнну. - М. 5-28.
- Тойнби А.Дж.* 1991: Постигание истории / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. Ст. Рашковского Е.Б. - М.: Прогресс.
- Фергюсон А.* 2010: Опыт истории гражданского общества. - М.
- Хачатурян В.М.* 2009: «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. - М.: «Academia».
- Хвостова К.В.* 2005: Особенности византийской цивилизации. - М.: Наука.
- Хвостова К.В.* 2009: Византийская цивилизация как историческая парадигма. - СПб.: Алетейя.
- Цивилизация. 2003: Цивилизация. Восхождение м слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. - М.: Наука.
- Чужое: опыты преодоления. 1999: Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Отв. ред. Р.М. Шукуров. - М.: Алетейя.
- Широкова Н.С.* 1989: Древние кельты на рубеже старой и новой эры. - Л.
- Щукин М.Б.* 1994: На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. - СПб.: «Фарн».
- Энгельс Ф.* 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. - М.
- Vona I.* 1991: Hunnenreich. - Budapest; Stuttgart
- Bowersock G. W., Brown P., Grabar O.* 1999: Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. – Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Budanova V.* 2009: Great Migration of Peoples: Ethnical Image of an Era of Change // Proceedings of the International Conference «First Great Migrations of Peoples» under the auspices of UNESCO (UNESCO Headquarters, Paris, 19 June 2008). - Paris. 113-123.
- Bujkisch S.B.* 1994: Zum Limes in nordischen Schwarzmeerraum // Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseum in Bonn. № 184. – Bonn. 165 - 174.
- Cameron A., Long J.* 1993: Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. - Berkeley. *Frontiers*. 1990: *Frontiers* / Ed. By R. Eyre et al. - London.
- Heather P.* 2005: The Fall of the Roman Empire. A New History of Rome and the Barbarians. – Oxford: Oxford University Press.
- Goffart W.* 2006: Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Goffart W.* 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // *History Compass*. 6/3. 855-883.
- Inglebert H.* 2009: Atlas de Rome et des barbares, III-VI siècle. - Paris.
- Kulikowski M.* 2009: Rome et les Goths. III-V siècle, invasions et intégration. - Paris.
- Langemann G.* 1981: Die Markomannenkriege. – Wien.
- Laser R.* 1976: Der Aufstand der Bataver und die Sicherung der Reichsgrenze (Limesbau) im 1. und frühen 2. Jahrhundert // *Die Germanen: Geschichten und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. 1976. Bd. I. - Berlin. 280-295.
- Lechner K.* 1954: Hellen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner: Die Alten Bezeichnungen als Ausdrücke neuen Kulturbewusstseins. - München.
- Lechner K.* 1955: Byzanz und die Barbaren // *Saeculum*. Bd. 6. 292-297.
- Powl W.* 2005: Aux origins d'une Europe ethnique. Transformations d'identités entre Antiquité et Moyen Âge // *Annales*. 60/1. 183-208.
- Prescott J.* 1978: Boundaries and Frontiers. - London.
- Ward-Perkins B.* 2005: The Fall of Rome and the End of Civilization. – Oxford: Oxford University Press.
- Weiler J.* 1965: Orbis Romanus und Barbaricum // *Carnuntum Jahrbuch*. - Graz; Köln. 34-39.
- Wolfram H.* 1980: Geschichte der Goten. - München.
- Wolfram H.* 1990: Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. - Berlin.